

МЕЖДУ ПРЕМЬЕРАМИ

В театр мы приходим обычно с парадного входа. Сюда нас зовут яркие афиши. Сегодня — «Дамы и господа» Фредро. Завтра — «Чти отца своего» В. Лаврентьева. Готовятся к постановке «Дочь России» П. Чернышеченко. Мы смотрим спектакли, хвалим или ругаем их, ждем очередной премьеры.

А если зайти в театр через служебный вход... Что делается здесь между премьерями? Как готовятся спектакли? Как борется театр за современный репертуар? Как переживают свои творческие победы и поражения актеры и режиссеры?

Итак, премьеры прошли. Радости и сомнения дебютантов, лихорадочное волнение режиссера — как примет зритель новый спектакль — все это было вчера. А сегодня в театре наступил будни...

Из репетиционного зала слышится голос главного режиссера Александра Петровича Струнина:

— Помните, что ответил Маркс на один из вопросов шутовой анкеты дочерей: «Какое ваше любимое изречение?» — «Ничто человеческое мне не чуждо... Вот таким мы должны сыграть Карла Маркса!»

Это идет разговор о новой пьесе, которую театр начал готовить. Пьеса польского драматурга П. Чернышеченко «Дочь России». Среди главных действующих лиц в ней Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Сложная задача!

Актеры внимательно слушают режиссера. Но в душе у них еще сумятица. Пройдет несколько репетиций, прежде чем герои новой пьесы начнут овладевать их воображением.

«Какая же она была, эта Лиза Томазовская-Дмитриева?» — начинает преследовать мысль артистку Сторожеву. — Революционерка из аристократки! Любопытная фигура. Что заставило ее выбрать этот путь?»

Мысли бегут, сталкиваются, спорят.

Неуловима красивая русская революционерка помогает Карлу Марксу изучать Россию, и она же дерзко пляшет на столе в трактире, ошарашивая своих попорных врагов.

«Горячая натура, самобытная», — с удовольствием думает артистка о своей героине. Лиза Томазовская все ближе Сторожевой, все дороже.

А режиссер уже требует на сцену. Первый прогон картины с Вакунными.

— Помните, — обращается он к исполнителям массовой сцены, — главное здесь: борьба рабочих с бакунинцами. Начали!...

Бакунин (артист Батурина) воля-

ется под восторженный гул своих приверженцев. Он красноречив и убедителен. Толпа благоговеет. Только рабочие угрюмо молчат. И вдруг звонкий голос молодой женщины из-за одного столика. Бакунин узнал ее: революционерка-марксистка Томазовская. Начинается словесная дуэль. Все острее реплики. Лицо артистки Сторожевой горит, в глазах вызов. Быстрым, гибким движением выскальзывает она из-за стола и устремляется к группе Бакунина.

Ближе к противнику. Лицом к лицу. Как хорошо знает она эти физиономии!

«Свободы разрушения вы захотели! Так вот она, ваша свобода!» — и Сторожева-Томазовская резко сдерживает скатерть с ближайшего столика и одним прыжком оказывается на нем. «Ах ты, сукин сын, комаринский мужик...» — поет она, постукивая каблучками, широко раскинув руки. Поет с вызовом, с яростью. — Стоп! — несется от режиссерского столика.

— Где реажж публики? Кто враги Томазовской, кто друзья? Не вижу!

А «публика» засмотрелась, увлеклась игрой Сторожевой и забыла реагировать.

— Повторить сцену! — требует Струнин.

Репетиция продолжается.

В соседней комнате другая группа артистов сидит над пьесой белорусского драматурга Николая Горюлева «Моя дочь» (или «Линия жизни»). Именно — сидит. Это так называемый застойный период работы. Персонажи пьесы пока что в спокойной обстановке выясняют свои взаимоотношения, подспудные мысли и намерения друг друга, чтобы потом, уже всерьез, «схватиться» на сценической площадке.

Беседу ведет молодой режиссер, недавняя выпускница Минского театрального института Нина Алейнича. Ей сегодня, пожалуй, труднее, чем другим, собраться с мыслями, сосредоточиться на новой пьесе. Ведь вчерашняя премьеря — это ее премьеря. Почти дебют. Третий спектакль в короткой еще театральной жизни! Это так мало и так много по силе переживаний. Память все время невольно возвращается ко вчерашнему вечеру: «Хороший дуэт получился у Анны Куприяновны с Алексеем Ивановичем. Юмор они оба чувствуют... С Наллей надо еще раз поговорить: неровно играет, на публику много. Нюта должна быть сильной натурой, но не грубой... А Никитян, мажется, прошел у публики. Значит, верно я увидела его в главной роли, как только прочла пьесу. Ох, уж эта мне пьеса...»

Комедию А. Ларева «Свидания у черемухи» театр выбрал для звезд на село. Однажды руководителей его упрекнули: «Ездите по деревням, а сельской тематики в репертуаре нет». Вот и взяли из-за тематики. Ставить поручили молодому режиссеру.

Нина Алейнича начала читать пьесу и... затосковала. Как все примитивно, схематично! Чего стоит один сюжет! Пришли в село два демобилизованных солдата и за несколько месяцев всю жизнь перевернули: отсталый колхоз вывели в передовые, лодырей сделали ударниками полей, скептика-алкоголика Федорова перевоспитали, несчастных в любви — счастьем наделили. Очень малохудожественная, а если резко сказать — фальшивая комедия, далекая от реальной жизни села, от подлинных ее конфликтов. Жаль, что театр остановился именно на этой пьесе.

Параллельно готовилась серьезная пьеса «Тревожное счастье» К. Финна. Туда взяли более опытных актеров. А для «Свиданий у черемухи» отдали в основном молодежь.

«Как же я буду ставить эту комедию? — с тоской думала Нина Алейнича. — На чем строить действие? На конфликте Семена и Федора? Но он же как-то фальшив...»

А потом, в одну дерзкую минуту,

она решила махнуть рукой на выдуманные конфликты пьесы.

— Будем играть любовь! — сказала она исполнителям. Это понравилось и «молодым» и «старикам». Актерам всегда приятнее играть живые человеческие чувства, чем сухие декларации.

«Свидания у черемухи» поставили как лирическую комедию. Ее герои всерьез любят, страдают, терпят и находят друг друга. Кому из исполнителей не хватает профессионального опыта, тот подкупает юношеской непосредственностью, искренностью или, на крайний случай, просто молодостью.

Расчет режиссера оказался верным. Сегодня молодежь смотрит этот спектакль, смеется над незадачливыми героями его, вздыхает и сочувствует им в любовных сценах. Правда, местами и морщится, глядя на подмалеванные картинку сельской жизни.

Молодой режиссер отлично видит это, понимает своего зрителя. И ей страстно хочется, чтобы следующий ее спектакль не был компромиссом с совестью, чтобы он вставил людей серьезно думать о жизни, о нашем времени.

Спектакль будет по пьесе белорусского писателя. До премьеры уже не так далеко.

В театре изут репетиции...

Д. МАНАЕВА.
(Спец. корр. «Светской
Белоруссии»).